День шестьдесят второй.

Сегодня зашли доктора, направленные Роболином. Мысли роились, но уцепиться за что-то не представлялось возможном, из-за чего объясниться в своих болях я не сумел, - благо был сам подручных моего неприятеля, Николай. Выслушав моего помощника в столь скверном расположении моего настроения, те покачали головой и посетовали, дескать “лишите рассудка - как он слово-то после говорить свое будет ?”. Словом, благодаря ним состояние мое пришло в норму и, кажется, настал момент, когда я могу забыть о своем бессилии, что беспокоило меня каждый раз, когда я приходил в сознание. Чувство не из приятных - думаю, в том же состоянии духа те, кто страдает о разного рода душевных болезней и находятся в “лечении” - по крайне мере, в моем мире. И есть еще важная информация: мне объяснили то, почему я здесь и почему именно я имею столь особенный вид ухода и охраны. Хотя воспринять и обработать ту информацию, подозреваю, мне предстоит не скоро, я уловил общий тон и попытаюсь записать то в следующий раз.

Что-ж, за время нахождения в полусознательном состоянии я искал корреляции, способные предоставить мне правдоподобный ответ на вопрос о сложившемся положении дел: что стало переломным моментом ? Учитывая реакцию моего надзирателя на историю, которую я ничуть не приукрасил - его веру в нее - и даже больше, все прочее откровение мое, в чем не сомневаюсь, он счел соответственно. Казалось, я ни столько не угодил представителям, сколько был невинной жертвой случая - оказался не в том месте и не в то время. Вполне возможно, что и Инесса, несмотря на ее добродушие, проявленное через жест безвозмездного спасения наших с Амалией душ, имеет в прошлом богатую историю рецидивов, да мягко говоря, нет доказательств ее отстраненности от свершений здешней преступной ячейк (если взглянуть на благосостояние, то если их нет сейчас, то до и после, вероятно, они прорастут грибами в каждом человеческом селении); в конце концов, тот факт, что та покинула Союз, может косвенно подтверждать предположение о ее конфликте с ныне легитимной властью - и как следствие с ней знакомства, мою к тому причастность. Не отправила ли та в таком случае то послание, которое могут между собой пересылать убийца и следователь ? Если так, то ее прошлое в ИРУ могло ей предоставить спектр инструментов от безобидных шалостей, вроде прикрытия в делах ее нечистых, до предполагаемых убийств высокопоставленных лиц и неповинных бургеров из томительного чувства скуки. Мог ли я доверять невербальным знакам, чтобы убедить себя в ее простодушии ?

Впрочем несмотря на негативный тон моих размышлений, все это время к моему телу обращались с достаточным уважением, какое возможно в том незавидном положении: в силу отсутствия возможности здраво мыслить на длинных временных отрезках и, разумеется, по причинам затруднения мелкой моторики рук, так и неспособности координировать положение всех конечностей в пространстве, меня бережно откармливали, поили и, похоже, даже что-то читали. Помню, ежедневно приходил мальчишка - тот, что в цикл, когда я оказался помещен в кандалы и ментальной почти возведен на плаху, находился на ресепшене - он, кажется, зачитывал мне стихи. Их до него я никогда не слышал. Да, он называл авторов тех произведений, но толи я не запомнил (а после времени спросить не было), толи полных имен я не знал вовсе (и тому находится рациональный ответ - малоизвестны). В общем, сравнительную доброту я оценил, однако что не оценил - психическое состояние, в котором размышления давались с непреодолимым трудом, - почему я своевременно, дабы не терять силы ослабленного организма, забылся сном, будучи более невластным над собой и отрешенным от дел мирских. Так кончилась неделя.

День шестьдесят девятый.

Прошла очередная неделя. Кормят по-прежнему хорошо. Дозировка седативных веществ спала. Дамба мыслей прорвана, и то отрадно !

Как только представилась возможность, я упросил вновь свой дневник (его анализировали и изучали) и принялся перечитывать его, а пару раз направлял свой взгляд в принесенную Гришей - мальчиком с ресепшена, книгу. Писатель, кажется, жил в другом мире конца двадцатого века, где первая мировая истощила Европу куда сильнее, став заурядным самоубийством некогда богатой культурно и материально цивилизации. Второй мировой не было. После великой войны Германия, Франция, Великобритания, Россия, Турция не просто распались, но более никогда и не собрались. Стихоплет наш жил на Юго-Востоке бывшей России под бдением оккупационных войск Японии и Америки; писал о несчастье голода, болезней и капитализма, будучи тайным социалистом в душе. Конец империям и рождение государств разного течения анархизма - это был беспокойный и опасный век, который лег тенью на всю массовую культуру того периода. Нечто похожее застал я и здесь, - и кому, если не жителю этого мира, знать плоды безграничной воли человеческого существа и ее себяюбивых вершителей ? Стихи топорные, но сносные. Кроме того, я пребывал в восхищении от обладания подобным сокровищем - книга из другого мира, пусть и сборник стихов, пусть и о горе, наполняет немалым вдохновением ! Вместе с тем дошла наилучшая весть о прибытии высокопоставленных лиц с самой станицы Союза, для чего я и пытался сохранить сознание и предстать перед судом в приглядном виде.

В этот же день, сегодня, за мной пришли. Вошли не как к злопыхателю и убийце, но как к уважаемому гостю. Словно двух тяжелых для моего рассудка и соматического самочувствия не было, меня повели под руки (ибо сам я двигаюсь до сих пор с трудом) через камеры, где содержались несколько более удачные странники. Когда мы оказались под крышей мира, во внутреннюю площадь этого двухэтажного бастиона, где держали сброд, меня облили ледяной водой и выдали одежду, сняв кандалы до и одев после процесса переодевания. Далее все было как во сне: центральная площадь Двинанска, полнившаяся людом; судьи на высоком помосте, взирающие свысока на все живое и мертвое; сам господин Роболев и рядом стоявший Николай, у специального места в стороне от судейского пьедестала, - с ними еще тройка человек. - Меня подвели к ним, сняли железо с рук и объявили о пришествии на суд Анатолия, несущего смерть.

http://tl.rulate.ru/book/21760/1451097